

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

**СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА
СЕРГЕЙ АКСЁНЕНКО**

СОВЕТСКИЙ ПОРЯДОК

Советский проект

Сергей Кара-Мурза
Советский порядок

«Алисторус»

2010

Кара-Мурза С. Г.

Советский порядок / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус»,
2010 — (Советский проект)

С конца 90-х гг. прошлого века плановое хозяйство СССР принято считать неэффективным, убыточным, приводящим к очередям и дефициту. Между тем идеи плановой экономики не чужды и западному миру. Их сейчас повсеместно внедряют в той или иной степени. А в чрезвычайных ситуациях такая модель – единственно возможная. Что касается России, то плановое хозяйство было органически присуще российской ментальности, как убедительно доказывают авторы данной книги. В условиях нашей страны невозможно успешное развитие экономики, если оно не подчинено единому централизованному плану. Советская власть лишь восприняла и взяла на вооружение эту практичную русскую идею. Успехи планового хозяйства Советского Союза были настолько впечатляющими, что многое было перенято у нас Западом. К сожалению, неслыханные трудности, выпавшие на долю СССР, приводили и к определенным сложностям в экономике, но советское руководство постоянно искало пути их преодоления. По многим позициям это удалось, по некоторым просто не успели... Книга подкреплена большим количеством фактического материала, в том числе в ней приводятся такие показатели развития СССР, о которых умалчивают сторонники либерализма и свободного рынка.

Содержание

Введение. Советский проект и его критики	5
Часть 1	10
Образ советской хозяйственной системы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Кара-Мурза, Сергей Аксёненко

Советский порядок

Введение. Советский проект и его критики

Более десяти лет назад, в 1998 г. представительство ОБСЕ в Минске устроило большой семинар о том, как надо устраивать рыночную экономику в Белоруссии. Меня пригласили из РФ как докладчика по первому вопросу: «Советская хозяйственная система: теория и реальность». Я сделал доклад чисто научный, теорию и реальность изложил наглядно, так что возразить было трудно. Приехавшая из Женевы как оппонент по моему докладу почетный советолог Юдит Шапиро пыталась, правда, доказать, что в СССР простому человеку нельзя было купить в аптеке лекарства, но даже самые крутые демократы посмотрели на нее с жалостью.

Я упрощенно и кратко объяснил, что советский строй, корнями уходящий в культуру России, по своему типу относится к общинным цивилизациям (в отличие от рыночной цивилизации Запада). Этим и были обусловлены главные черты хозяйства, странные или даже неправильные для глаза и марксиста, и либерала.

За этот доклад я получил самую большую похвалу, какую только получал в жизни. И от кого! От Станислава Шушкевича, героя Беловежской Пути. Он сказал, что если бы он прослушал такой доклад десять лет назад, то он не сделал бы того, что сделал после 1989 года. Он не знал, что СССР относится к цивилизациям общинного типа.

После такого откровения Шушкевича другие лидеры оппозиции (бывший председатель Верховного Совета Шарейский, бывший управляющий Центральным банком Богданкевич и др.) начали выдвигать обвинения советской системе «по-крупному», говорить самое, на их взгляд, главное. Поскольку я как докладчик после каждого цикла выступлений имел слово для ответа (тут я снимаю шляпу перед западными порядками), получился редкостный диалог. Скажу о моих главных впечатлениях.

Похоже, впадшие в антисоветизм интеллектуалы настолько уверовали в схоластические догмы (политэкономии, монетаризма и черт знает чего еще), что рассуждать в понятиях здравого смысла просто не в состоянии. Вот их тезисы:

– Да, при советском строе люди были сыты и в безопасности, но это надо было поломать, потому что хозяйство было нерентабельным! Что за чушь! При чем здесь рентабельность, если хозяйство было нерыночным и его цель – не прибыль, а чтобы все были сыты? Ведь мы только что об этом договорились. Зачем же к нерыночному хозяйству прилагать мерку, которая имеет смысл только для рыночного? Бесполезно, как об стенку горох. С доводами здравого смысла никто не спорит – их просто не замечают.

– Советскую систему надо было менять, потому что низка была экономическая эффективность.

Это из той же оперы. Само понятие «эффективность» придумали недавно, а до этого тысячи лет вели хозяйство и следовали простым, житейским меркам. Но допустим, вы испытываете к этой «эффективности» непонятное почтение. Как, спрашиваю, вы определили, что советское хозяйство было неэффективным? Почему финский фермер, которого нам ставят в пример, эффективный, а колхозник – нет? Ведь колхозник на 1000 га имел в 10 раз меньше тракторов, чем европейские фермеры, и давал всю последнюю советскую пятилетку пшеницу с себестоимостью 92–95 руб. за тонну. А у финского фермера себестоимость 482 доллара за тонну. Объясните, говорю, почему же производить один и тот же продукт вдесятеро дороже – это эффективно? Молчат. Ну хоть бы что-нибудь ответили. Какой же это диалог!

—

При советском строе жить было невозможно из-за дефицита. А сейчас в России хотя бы дефицита нет. Ну что тут скажешь. Ведь только что на экране мы видели динамику производства продуктов по годам. Как же так, спрашиваю? Было много молока – это вы называете дефицит. Стало вдвое меньше – нет дефицита, изобилие. А ведь слово «дефицит» означает «нехватка». Ведь, получается, для вас важнее образ молока на витрине, чем само молоко на обеденном столе. Да кроме того, известно, что все это нынешнее «изобилие» – липовое. Если бы вдруг людям выдали зарплату, все продукты смело бы с полок в два дня (так и получилось там, где перед выборами 1996 г., чтобы задобрить избирателей, сдуру выдали зарплаты и пенсии).

– Самое главное в реформе – выполнить требование МВФ о снижении дефицита госбюджета, не считаясь ни с какими жертвами. А иначе не дадут займов.

Как это, говорю, «не считаясь с жертвами»? Вы что, людоеды? Да и что это за идол такой, бездефицитный бюджет? Ведь в трудные моменты разумно «взять в долг у будущего года», у себя самого. Почему же займы МВФ, которые затягивают на шее долговую петлю, лучше?

Ответы на такие простые вопросы получить невозможно. Похоже, люди уже настолько не способны оторваться от рыночных штампов, что просто этих вопросов не понимают. Как бы не слышат. Интересно, что тут даже пример США не помогает. Ведь президент Рузвельт, когда приперло в годы Великой депрессии, послал куда подальше всех своих экспертов-монетаристов и заявил, что в условиях кризиса сводить бюджет без дефицита – преступление против народа. Пусть бы объяснили эту позицию Рузвельта.

Вот еще один тезис, который повторяется в разных вариациях:

– То-то и то-то в советской системе надо было сломать, потому что на Западе это устроено лучше.

На том семинаре особенно часто говорили, что надо сломать «предприятия-монстры, унаследованные от советской системы» – Минский тракторный завод, МАЗ и т. д. Зачем же, спрашиваю, ломать? Ведь там люди работают, на этих заводах хозяйство держится. Нет, надо сломать – на Западе заводы лучше.

Вообще-то, какой завод лучше – это дело вкуса (на наших заводах люди почему-то меньше уставали, даже хотя работали с более отсталой техникой). Но я не стал спорить о вкусах, меня больше волновала логика. Допустим, говорю, западные учреждения лучше, но дальше-то ваши рассуждения нелогичны. Предположим, тебе не нравится твоя жена, а нравится Софи Лорен. Ну убей свою жену – ведь Софи Лорен от этого у тебя в постели не появится. А вы хотите поступить с заводами именно так.

Похихикали над таким сравнением, и опять за свое. Выступает другой знаток Запада:

– Тот, кто побывал у западного зубного врача, никогда (!) не пойдет к советскому зубному врачу!

И ведь это говорил какой-то известный в Белоруссии экономист – а каков уровень мышления. Ради бога, ходи к немецкому врачу, если есть у тебя лишних двести долларов на пломбу. Но зачем губить советского врача? Ведь в действительности нам вовсе не предложили выбор: плохой советский врач или прекрасный западный. На деле реформа означает, что советскую систему сломают и большинство людей оставят вообще без всякого врача. Пока что мы лечимся, худо-бедно, в недобитой советской системе. А дальше что? В богатейших США 35 млн. человек не имеют доступа ни к какой медицинской помощи. Ни к какой! А у нас сколько таких людей будет, если подобные экономисты и дальше будут командовать?

Я сказал и белорусским демократам, и мадам Шапиро с ее коллегами, что мы, к несчастью, говорим на разных языках. Причем разница не в мелочах, а в самом отношении к жизни. Трудно дать определение их языку и их мышлению. Не желая никого обидеть, я бы сказал, что это – язык и мышление религиозного фанатика. Для него не важна земная жизнь, счастье

и страдания людей. Это – мелочь по сравнению с той истиной, которая, как он думает, ему открылась.

Вот, выступает тот же экономист. Он признает, что Белоруссия при Лукашенко, восстановив то, что демократы не успели сломать в «семейном» (советском) хозяйстве, добилась удивительных успехов. Даже по их, западным, показателям. Рост промышленного производства составил в 1997 г. почти 18 %, зарплату всем платят вовремя, налоги собирают исправно, дефицита госбюджета нет и т. д. «Всему этому можно было бы порадоваться, – сказал экономист, – но...» И начал сокрушаться. Выходит, радоваться этому нельзя, потому что все неправильно. Слишком много денег вкладывают в жилищное строительство, спасают Минский тракторный завод, не разгоняют колхозы.

Я опять подал голос. Смотрите, говорю, как ненормальна ваша логика. В Белоруссии удалось, пусть с точки зрения теории не вполне правильно, но остановить разруху. Это и вы, и Запад признаете. Людям дали отдышаться, они успокоились, накапливаются средства. Казалось бы, надо именно радоваться – а затем уже выражать сомнения относительно следующих шагов. Но вы не радуетесь! Для вас теория важнее очевидных и жизненно важных для простого человека успехов...

Как это и бывает у религиозных фанатиков, несвязность мышления сопровождается у этих людей сильнейшим эмоциональным подъемом и агрессивностью. Уж как они проклинали Лукашенко за то, что «остановил реформы»! Остановил движение к «светлому будущему» и устраивает жизнь в Белоруссии неправильно – не так, как сказано в их религиозном учении. Г-н Шарецкий так и объяснил: Лукашенко восстанавливает «хозяйство семейного типа» (то есть такое, какое бывает в обществах, устроенных по типу семьи, а не рынка). А процветающей западной экономики так не построишь.

Я предложил взглянуть на дело не с высоты политики, а с уровня простого человека, обывателя. Ведь всегда и везде, когда страна переживает бедствие, люди сдвигаются к хозяйству и обществу «семейного» типа. Это сокращает число жертв и страдания людей, и тут ни при чем идеологии и доктрины. Все республики СССР переживают реформу как бедствие, и, конечно же, люди пытаются спастись. Вот, в Белоруссии сумели восстановить кое-что из разрушенного хозяйства. Вы, демократы, считаете, что это средства негодные. Допустим, в принципе вы правы. Но сейчас людям важнее всего удержаться на плаву – они хватаются за любую доску, лишь бы не утонуть, собраться с силами, подгрести к берегу. Что же делаете вы? Вы пытаетесь вышибить у них эту спасительную доску, да еще кричите: «А ну, совок, люмпен, брось эту рухлядь! На ней ты далеко не уплывешь!»

Я думал, такому сравнению возмутятся. Нет, наоборот. Оно показалось правильным, и мне так и ответили: да, мы стараемся эти «бревна», за которые люди уцепились, у них из рук вышибить. Потому что эдак они к рыночной экономике не придут. Они даже посчитали это не досками, а бревнами – спасительным средством гораздо более солидным, чем оценил я, – но и его они вышибают.

Выходит, демократы в глубине души понимают, что если люди к рыночной экономике не идут, то пусть уж тогда пойдут все ко дну. «Неправильно» жить они нам не позволяют. Вот это и есть, на мой взгляд, фанатичное тоталитарное мышление.

* * *

Все это я пишу не для того, чтобы выставить в дурном свете, уязвить моих идейных противников. Сегодня наша общая беда несравненно больше, чем идейные стычки. То мышление, которое в чистом виде и в довольно спокойной, корректной обстановке обнаружили белорусские противники советского строя, присуще ведь широкому кругу нашей интеллигенции. Как

же нам с ними найти общий язык? Ведь все мы на своей шкуре получаем все более тяжелые уроки, а учимся медленно.

Сегодня все избегают серьезно ставить вопрос: что нас ждет в ближайшем будущем? Это можно понять – Россию загнали в такую точку, из которой любой путь к разумной жизни кажется невозможным. На любой тропе заложены мины, на которые никак нельзя напороться, а как их разрядить – не известно. Понятно, что об этих минах политики говорить и не хотят – люди могут отшатнуться...

Сейчас торопятся втолкнуть Россию во Всемирную торговую организацию. Но ведь тогда Россия будет обязана снять все таможенные барьеры и прекратить всякие дотации отечественным предприятиям. Значит, все производство должно будет остановиться – дешевле станет покупать, чем производить свое. И дело не в отсталости – у новейших предприятий положение не лучше. Какой-то обозреватель с телевидения, рассуждая о Норильске, сказал как вещь очевидную и разумную: придется эвакуировать все население с Севера, бросить эти города. Чтобы оживить их, средств у России никогда не будет. Надо было только добавить: средств не будет у этой России. Прямо в воздухе висел вопрос: а почему же для этого были средства у той России? У России советской и даже царской, пока ее не опутали банки – но когда опутали, то царя вместе с банкирами сковырнули.

Почему же в советской России были средства и строить Норильск, и привозить в Эрмитаж и Артек детей с Камчатки? Потому, что на несколько десятилетий общество устроилось как семья – при всех неудобствах, несвободах и даже тирании, какие бывают в семье. Отсюда вытекал и принцип хозяйства – думать обо всей семье, производить не для прибыли, а для потребления, и жить по средствам. Внутри семьи понятие рентабельности не имеет смысла. На этом строилась вся наша советская цивилизация.

Ее отличие от того, что мы видим сегодня, составляет как бы загадку, которую в приличном обществе избегают даже формулировать. В СССР всякое производство было выгодным, всякий клочок годной земли использовался. Росло общее недовольство тем, что бюрократические нормы мешают работать. Это значит, что для обеспечения труда сырьем и инструментами находились средства. Денег хватало и на вполне сносное потребление, и на огромную по масштабам науку (одну из двух имевшихся в мире научных систем, охватывающих весь фронт фундаментальной науки), и на военный паритет с Западом – и даже на дорогостоящие «проекты века». Никому и в голову не могло прийти, что шахтеры могут голодать, а академики кончать с собой из-за того, что голодают их подчиненные ученые-ядерщики.

И при всем этом за 1980–1985 гг. ежегодные капиталовложения в СССР возросли на 50 % (а на Западе совсем не выросли). Если бы мы сейчас мысленно «вычли» эти инвестиции из нашего хозяйства, вообразили бы, что СССР уже за десять лет до реформы стал вести себя, как ельцинская РФ, то сегодня страна была бы уже экономическим трупом. Мы еще питаемся остатками советского жира.

Сегодня те же самые работники, те же самые земли и те же самые технологии оказываются совершенно недееспособными. Настолько, что иностранцы даже бесплатно не хотят брать наши заводы, а в отношении наших людей возникло новое понятие: «общность, которую не имеет смысла эксплуатировать». Тому, что у нас произошло, есть довольно близкая аналогия. В начале XX века европейцы позарились на Патагонию – обширную область на юге Южной Америки. Индейцы создали там особую аграрную цивилизацию, и эксплуатация этой земли обещала быть выгодной. Индейцев уничтожили; европейцы освоили земли (1 млн. кв. км), построили железную дорогу. Но оказалось, что рентабельным хозяйством на этих холодных землях так и не смогло стать. Все заброшено, дорога заросла травой. То же самое происходит в России – даже переспелые леса перестали рубить, вывозить лес невыгодно.

В отказе от своего, приспособленного к нашей земле типа хозяйства – суть того поворота, на который согласился русский народ. Согласился по незнанию, по лени, под влиянием обмана

– неважно. Важно не почему согласился, а что не видно никакой воли к тому, чтобы осознать тот выбор, во весь голос заявить о нем – признать его или отвергнуть. Пока что политика и режима, и оппозиции сводится к умолчанию.

Часть 1

Особый взгляд на советский строй

Образ советской хозяйственной системы

Ключевым постулатом всей антисоветской идеологии было утверждение, что рыночная экономика западного типа эффективнее советской. Прежде чем переходить к более тонким материям, предлагаю обдумать и зафиксировать оценку по самому жесткому критерию – выживанию. Мы сравниваем капитализм («рынок») и советский строй («план»). Какой строй эффективнее? Абстрактного ответа быть не может, надо задать условия. Правильный вопрос звучит так: какой строй эффективнее в тех условиях, в которых реально находился СССР?

Принимаем во внимание жесткий факт, который Фернан Бродель сформулировал таким образом: «Капитализм вовсе не мог бы существовать без услужливой помощи чужого труда». Вот к этому-то факту и прилагаем для сравнения столь же очевидный факт: «Советский строй мог существовать без услужливой помощи чужого труда». Согласно самому абсолютному критерию – выживаемости, я делаю вывод: в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, советское хозяйство эффективнее капиталистической экономики. Подчеркиваю, что речь идет именно об этих условиях. Если источники услужливой помощи чужого труда доступны, надо разбираться особо. Но этот случай для нас неактуален, поскольку все мы знаем – ни СССР, ни нынешняя Россия этих источников не имели, не имеют и, скорее всего, не будут иметь.

В социально-экономической сфере антисоветская мысль создала многообразную и довольно сложную интеллектуальную конструкцию. В наиболее радикальном виде ее кредо в 80-е годы сводилось к следующему: «Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку она неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу».

В таком виде эта формула стала высказываться лишь после 1991 г. – до этого никто из людей, еще не увлеченных антисоветским миражом, в нее бы просто не поверил, даже рассмеялся бы. Настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг в 70—80-е годы. Никаких признаков коллапса, внезапной остановки дыхания, не было. У тех, кто в этот назревающий коллапс верил, это были лишь предчувствия, внушенные постоянным повторением этой мысли «на кухнях».

А.Д.Сахаров писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится, – весь исторический опыт свидетельствует об обратном» (А. Сахаров, «Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления». Л., 1990. С. 66).

Вот мой личный опыт. Я ушел из любимой деятельности, экспериментальной химии, в гуманитарную под влиянием негативной мотивации – для изучения тех болезненных явлений, что тормозили развитие советской системы. Главный пафос моей аналитической работы был критическим. Но и мой, и общий вывод моих коллег (которые позже перешли на антисоветские позиции и даже стали министрами в правительстве Гайдара) был именно таким: система улучшается, но слишком медленно. С уверенностью говорю – состав специалистов, перешедших потом в бригаду реформаторов, имел в целом именно такое видение ситуации. Потом, задним числом, они стали говорить, что надвигался коллапс, но это уже были неискренние, чисто идеологические утверждения. Они их делали скрепя сердце.

Такие катастрофы, как коллапс хозяйства, не приближаются без достаточно длительного нарастания явных симптомов – если, конечно, сама власть по каким-либо причинам вдруг не разрушает хозяйство. Даже в середине 80-х годов никаких веских причин ожидать катастрофы не было. Потому-то речь во время первой фазы перестройки шла об ускорении. Никто же не имел при этом в виду «ускорение коллапса». Директивные документы, принятые по проектам Госплана и правительства, не содержат и намека на опасность катастрофического спада или кризиса. Но нельзя же заподозрить огромные коллективы специалистов в дьявольском заговоре и поразительном единодушии: знать о грядущей катастрофе – и ни гу-гу.

* * *

Посмотрим массивные, обобщающие показатели советского хозяйства, опубликованные в 1991 г. Госкомстатом СССР – уже горбачевским и почти ельцинским. Его руководство, конечно же, не взяло бы на себя смелость винить в полной фальсификации всей национальной статистики за десяток лет – даже если бы такая фантастическая фальсификация и была технически возможна. Согласно этим показателям устойчиво росли индексы потребления населением материальных благ и услуг: по сравнению с 1980 г. они составляли в 1985 г. 114,7 % и в 1989 г. 127 %. Быстро росли в СССР капиталовложения, – вплоть до слома системы – что уж совсем никак не вяжется с представлением о назревающей катастрофе, когда все силы бросаются на срочные задачи ее предотвращения. Если вкладывают в будущее, а не в починку настоящего, коллапса не ожидается. По сравнению с 1980 г. капиталовложения в СССР возросли в 1988 г. на 40 %, а, например, в США на 30 %, во Франции на 10 %, а в ФРГ несколько не возросли.

Улучшались и самые массивные, системообразующие качественные показатели советского хозяйства – урожайность сельскохозяйственных культур, надой молока, удельный расход топлива на получение 1 квт. ч электроэнергии – с 468 г в 1960 г. до 325 г в 1987 г. По этому важному показателю СССР обогнал большинство стран Запада – в США на 1 квт.час электроэнергии расходовалось 354 г топлива, во Франции 359. Подобных признаков было много, и это были именно «неумолимые» общие тенденции системы. Иными словами, самые главные объективные показатели никакой катастрофы не предвещали, и формирование ее образа в массовом сознании было типичной манипуляцией.

В обзорной статье ведущего научного сотрудника МГУ Л.Резникова «Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе» (Российский экономический журнал, 2001, № 4) сделан такой вывод: «Исключительно важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение темпов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема». Далее автор проводит подробные доводы своего вывода и, понимая состояние умов, цитирует видных американских экономистов, пришедших к такому же выводу. Своим глазам и желудкам русские уже не верят, нужны западные авторитеты.

Доклад ЦРУ 1990 г. «О состоянии советской экономики» также утверждает, что даже и кризиса в советском хозяйстве не было, не то что неизбежного коллапса. Этот доклад довольно часто цитируется американцами (сам я читал только его реферат и ссылки на него). В нем по американской методике и с собственными данными ЦРУ были пересчитаны показатели советской статистики и признаны, в общем, верными. Уж кому должны были бы верить антисоветские идеологи, как не своим верным союзникам?

Ощущения коллапса и даже кризиса совершенно не было в массовом сознании, в том числе интеллигенции, очень критически относящейся к системе. Это показало двухгодичное (1988 и 1990 гг.) исследование ВЦИОМ под руководством Ю.Левады, результаты которого

представлены в книге «Есть мнение» (М., 1990). Весь пафос исследования является открыто антисоветским, но никакого предчувствия кризиса в нем не обнаружено.

Отмечу здесь, что примитивна сама логика рассуждений, из которых выводилась негодность советского типа хозяйства из факта снижения темпов прироста производства. Стремление сравнивать валовые, обобщенные показатели без учета принципиальной разницы их составляющих есть один из случаев гипостазирования. Оно ведет к невозможности увидеть качественную несоизмеримость объектов и явлений. Вот, мы сравниваем экономическую гонку без учета нагрузки оборонных расходов. СССР начал отставать на одном круге (в 80-е годы) – значит ломай всю его хозяйственную систему. Если же мы учтем нагрузку, то увидим как бы трех бегунов в несравнимых условиях: один (скажем, ФРГ или Япония) в легких тапочках, другой (США) в кроссовках, а СССР – в валенках, а поверх них кандалы. И если бегун в кандалах целую эпоху опережал своих соперников, значит, его сердце и мускулы работают великолепно. Разумеется, было бы глупо утверждать, что бежать в кандалах и валенках хорошо. Почему мы в них бежали – совсем другой вопрос.

* * *

Посмотрим, как искажается наше сознание, когда мы оперируем валовыми цифрами, не учитывая «изъятия». (Кстати, помню, в 70-е годы эту проблему поднимали французские экономисты. Они говорили, что нельзя сравнивать показатели разных стран, прежде чем из них будут вычтены некоторые «неделимости». Но мировые аганбегяны на этих авторов, видно, прикрикнули, и эта идея заглохла). Кажется, простая вещь – мощность двигателя. Из физики знаем: это работа, произведенная в единицу времени. А на деле ничего эта величина не говорит, если мы не знаем, какую часть мощности двигатель вынужден тратить на себя – чтобы двигать себя самое, поршни, шестерни. Поэтому вводят иной показатель – мощность «на валу», то есть выданная двигателем для полезной работы (движения колес, винта и т. д.). Обычно мы этой проблемы не замечаем, т. к. сравниваем двигатели одного типа да и одного поколения. А если разные двигатели, то без учета «неделимости» никак не обойтись. До паровой машины Уатта было уже два поколения машин. Вторая, машина Ньюкомена, уже использовалась довольно широко, но почти всю мощность тратила сама на себя. Уатт произвел техническую революцию, потому что его машина при той же мощности давала «на вал» гораздо больше. Эти машины были несоизмеримы в этом отношении. Очень большую часть своей мощности советское хозяйство тратило «на себя» – на обеспечение своего выживания в условиях холодной войны, чтобы не позволить ей перерасти в горячую.

Возьмем другую сторону жизнеустройства – не производство, а образ жизни. Что касается быта, то именно за 70—80-е годы страна в целом перешла по главным показателям к современному типу благоустроенного быта. Произошла полная электрификация села и почти полная газификация населенных пунктов, быстро шла телефонизация. Отправление писем и телеграмм, дальние поездки даже на самолете стали для среднего человека обыденной вещью – сравните с тем, что мы видим при антисоветском режиме. Это – массивные и фундаментальные улучшения жизни. Те явления застоя, упадка или даже регресса, на которые указывали критики, говорили, конечно, о неблагоприятных тенденциях. Можно говорить даже о болезнях хозяйственной системы. Но на фоне главных, массивных процессов эти дефекты признаками коллапса никак не служили. Надо же взвешивать общественные явления на верных весах.

Вызывало, например, нарекания строительство. Известно, что масштабы его были исключительно велики, едва ли не все горожане в этот период испытали переезд (отделялись молодые, получали новые квартиры, улучшали старые и т. д.). Отрасль явно не справилась с такой экспансией, квалификация работников и качество работы упали. Но в то, что получение квартир, пусть даже и построенной с огрехами, было для человека ухудшением, поверить невоз-

можно. А ведь именно так ставят вопрос антисоветские ораторы. Конечно, люди, получив новую квартиру, быстро забывают свои ощущения. Но если бы новоселам сказали об «ухудшении» их жизни в тот момент, они бы просто не поняли. И кривые рамы подгонялись, и щели заделывались – а люди квартирам были рады и коллапса не ожидали.

Именно после 1988 г. стал быстро нарастать кризис, грозящий катастрофой. Вызван он был как раз отказом от главных принципов советского хозяйства, попыткой его «гибридизации» с элементами капиталистической экономики совсем иного типа. Катастрофа назревала так быстро, что уже в 1990 г. стали официально говорить об «опасности разрушения народного хозяйства». Большими усилиями, за счет потери политической стабильности, правительство удерживало ситуацию под контролем. Напротив, антисоветские силы делали все возможное, чтобы экономическое положение дестабилизировать и обострить недовольство населения (полезно вспомнить, как вышедшие из КПСС соратники Горбачева разжигали забастовки шахтеров Кузбасса).

Антисоветская интеллигенция поддержала главные принципы либеральной реформы, но при этом все ее виднейшие представители признавали, что никто не мог дать гарантии, что мы «выкарабкаемся». То есть эти люди поддержали смертельно опасную операцию над своей больной страной – «против воли больного», как признали сами демократы. Причем болезнь вовсе не требовала такой операции, а о заведомом вреде этой операции и ее опасности для жизни предупреждали очень многие авторитетные специалисты. Тут безответственность порождена идеалами. Для одних страна обладает святостью, которая не позволяет так легко решаться на смертельно опасные манипуляции. Для других страна – объект, с которым можно обращаться свободно.

* * *

Рассмотрим некоторые концептуальные основания критики советской системы хозяйства.

Отрицание государственной собственности. Частью большой антисоветской доктрины в сфере экономики была атака на представление об общенародной и государственной собственности. Позитивная часть этой доктрины была иррациональной, она сводилась к квазирелигиозной вере в благодатные свойства частной собственности. Делались нелепые высказывания о «естественном» характере частной собственности и даже ее «священном» характере. Что само понятие «священный» является иррациональным, очевидно, тут говорить не о чем, это именно символ веры. Для одних священо одно, для других другое, и логикой тут не возьмешь.

Придание же этому чисто социальному феномену статуса «естественного», то есть природного, внесоциального, также надо считать иррациональным, поскольку здесь слово «естественный» просто заменяет слово «священный» и никакого содержательного значения не имеет. Частная собственность в ее современном виде возникла лишь в Новое время, с превращением человека в свободного индивида (исходный элемент этой собственности – собственность на тело индивида). Так что самой этой категории, на которой строится все здание современного капитализма, всего-то от роду четыре века.

А только в цивилизованном состоянии человечество живет уже 20 тысяч лет – двести веков! Более того, даже не частная, а и более ранние формы собственности возникли лишь с появлением земледелия, то есть сравнительно недавно. А до этого вполне сформировавшийся *homo sapiens*, живущий племенами, лишь координировал разумное использование угодий для охоты или собирательства. Никакого «естественного», биологически присущего человеку «чувства» частной собственности не существует, это – исторически обусловленная часть культуры, продукт общественных отношений. Возник в определенных условиях, побыв в культуре и исчез.

Соответственно, не существует и никакого природного «чувства Хозяина», которое было якобы утрачено советскими людьми из-за обобществления собственности на средства производства. Создание мифа об этом «чувстве» или инстинкте – типичное биологизаторство культуры, отрывка социал-дарвинизма. Прискорбно наблюдать его в культурной образованной среде. Что же касается этого чувства как порождения культуры, то вовсе не советская власть его ограничила в России, а православие. С.Булгаков пишет в книге «Христианский социализм»: «Именно это-то чувство собственности, духовный яд ее, сладострастие Мамоны, и осуждается бесповоротно христианством как коренным образом противоречащее основной заповеди любви».

Во время перестройки настойчиво внушалась мысль, что, мол, общенародной собственности в СССР и не существует, ее захватило государство, так что общенародной советскую собственность называют лишь для отвода глаз. Был даже изобретен мифический «собственник» – бюрократия, номенклатура. Идея эта, если не считать ее злонамеренной фальшивкой, совершенно схоластична (хотя нередко именно самые схоластичные доктринальные идеи имеют большой успех и охотно принимаются соответственно подготовленными людьми).

Бюрократия в СССР явно представляла собой социальную группу работников управленческого аппарата и никакими признаками класса-собственника не обладала. Так же, как и менеджер в частной корпорации выполняет функции управления и участвует в принятии решений, но вовсе не является собственником капитала. Что собственность на средства производства была в СССР именно общенародной, а государство ею лишь распоряжалось, говорит как раз «уравниловка», которую на все лады склоняли антисоветские мыслители. В виде бесплатных благ и через низкие цены граждане на уравнилительной основе получали свои дивиденды с принадлежащей им частицы общенародной собственности. Кроме того, как частичные собственники средств производства, они имели реальное право на труд. Это достаточные признаки обладания собственностью, вполне очевидные и понятные.

Напротив, чтобы опорочить советскую собственность, антисоветским философам приходилось идти на сложные интеллектуальные выкрутасы и на грубую подмену понятий. Вот, например, что пишет видный философ-правовед В.С. Нерсисянц: «Одним из существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без чего все остальные права человека и право в целом лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента и необходимой гарантии» (В.С. Нерсисянц. «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека. – СОЦИС, 1990, № 1).

Утверждение, будто без частной собственности (философ стыдливо заменяет слово «частная» на «индивидуальная») все (!) права человека лишаются своей полноты и вообще фундамента, полная нелепость, противоречащая здравому смыслу. Появление частной собственности вовсе не создает прав и свобод, а лишь изменяет их структуру. Какие-то права появляются, какие-то пропадают, как и при любом крупном общественном изменении. Например, появление частной собственности, то есть присвоение средств производства частью общества, лишает многих людей права на пищу, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав. При общинно-родовом строе (и много позже – при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу.

С точки зрения буржуазной идеологии, такие общества были неправовыми, т. к. не допускали частной собственности. Отсюда видно, что миф о связи собственности с правом основан на порочном круге. Он выводится не из реальности, а из идеологического постулата. Обман в том, что философы, которые этот миф культивируют, не называют этого постулата открыто.

* * *

Эксплуатируя заложенный в миф о собственности порочный круг, эти философы поневоле доходят до абсурда. Тот же В.С. Нерсисянц пишет: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и внеправовыми средствами – экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т. д.». Речь явно идет о советском строе. Вдумаемся в это тоталитарное утверждение: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами.

В.С. Нерсисянц, видимо, делает упор на национализацию 1918 г., хотя и тут непонятно, почему же национализация – неправомерный акт. А приватизация – правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать молодому биохимику и комсомольскому работнику Кахе Бендукидзе машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену – одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Пусть даже национализация и была «неправомерной» (точнее, следовала чрезвычайному революционному праву), но ведь 9/10 социалистической собственности в СССР было создано хозяйственной деятельностью в последующий за национализацией период. Согласно промышленной переписи, на 31 августа 1918 г. было национализировано 3 тыс. крупных предприятий – практически все, какие были в России. Большинство их было разрушено во время Гражданской войны и потом восстановлено уже Советским государством. Но за годы первой и второй пятилеток и части третьей пятилетки до начала войны было построено 9 тыс. крупных предприятий. Разрушенные в войне предприятия опять восстанавливались государством. После войны за 45 лет была построена огромная по масштабам и стоимости промышленная система, крупницы когда-то национализированной собственности в ней полностью растворились. И теперь говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! На каком основании считает философ внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство «Уралмаша», ВАЗа или московского метро? Самые блажелательные попытки додумать аргументы за В.С. Нерсисянца к успеху не приводят.

Возьмем совсем уж крайний случай. Непонятно, почему надо считать «внеправовым» явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом. Само понятие права у этого правоведа становится совершенно расплывчатым. Что за странное воздействие оказывает антисоветизм на головной мозг.

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ по контрасту пытается доказать мысль о том, что уж частная-то собственность создавалась исключительно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль, откровенно говоря, просто нелепа. Не будем уж поминать Маркса («на каждом долларе следы крови») или 9 млн. африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывало около 10 % из тех, кто загонялся в трюм в Африке). По данным авторитетного историка Ф. Броделя, треть всех инвестиций Англии в период промышленной революции покрывалась средствами, награбленными в одной только Индии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.